

КОНФЕРЕНЦИЯ ОБ ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВВ.

A CONFERENCE ON THE IMAGE OF THE FUTURE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XX–XXI CENTURIES

Конференция об образе будущего

A Conference on the Image of the Future

4–7 октября 2023 года в Москве прошла Международная научная конференция «Образ будущего в русской литературе XX–XXI вв.». Ее организаторами выступили Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Литературный институт имени А.М. Горького, Ассоциация музеев космонавтики России и Библиотека № 180 им. Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы. Журнал «Соловьёвские исследования» стал партнером конференции.

На заседаниях прозвучали более 160 докладов, подготовленных российскими и зарубежными учеными, в которых была представлена широкая панорама духовных и творческих исканий русских писателей и мыслителей, связанных с рефлексией о будущем. Наибольшее число выступлений было посвящено культуре Серебряного века, где трактовка будущего была тесно связана с религиозно-философской и эстетической проблематикой, и эпохе 1920–1930-х годов, стремившейся к осмыслению революционного перелома, будущего России и Европы, выстраивавшей свои модели нового мира и нового человека. Обе эти эпохи объединяет «эсхатологическое беспокойство», взывание целостного идеала, Царства Божия на земле и одновременно – острое сознание «небратского» состояния мира, разрыва между наличным и должным, невозможности рая при существовании страдания, болезни и смерти.

Конференция носила междисциплинарный характер, свидетельствуя о философичности русской литературы и синтетизме русской философии, вместившей в себя художественную рефлексию, свободно чувствующавшей себя в разных жанрах, воспринимавшей литературу как соработницу и духовную сестру. Обсуждались и особенности отражения футурологической темы в философском и художественном пространстве: если в философии рефлексия о будущем носит прежде всего интеллектуальный характер, то в художественном творчестве мы имеем дело с синтезом интеллектуального и эмоционального, с тем, что выражается в понятии «художественная мысль» писателя, в представлении о «мирообразе», введенном литературоведом Я.О. Зунделовичем.

Сквозным исследовательским сюжетом конференции стал сюжет проектирования будущего, а базовой категорией – категория авторского идеала, позволяющая рассматривать в контексте темы будущего такие монументальные фигуры, как А.М. Горький, В.В. Маяковский, В. Хлебников, для которых тема нового мира и нового человека была определяющей и которые напрямую отражали ее в своем творчестве, и творцов русского символизма А.А. Блока, А. Белого, В.И. Иванова, видевших в искусстве действенную мистериальную силу, способную высветлять мир, и создателей крестьянской и пролетарской утопии – от Н.А. Клюева, С.А. Есенина, А.В. Чаянова до И.Г. Филипченко, М.А. Герасимова, В.Т. Кириллова, и апологетов активно-христианского образа будущего, представителей христианского космизма А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, и обернутого Н.А. Заболоцкого, рисовавшего, подобно Циолковскому, будущее земли и человечества и распространявшего идеал преобразования на «братьев наших меньших». Выдвижение в центр разговора о будущем проблемы авторского идеала позволило рассматривать в контексте темы будущего не только писателей, в проблематике которых синтезировались народные чаяния праведной земли и идеи богоискательства, таких как В.В. Иванов и М.М. Пришвин, но и писателей, погруженных в сложную, исполненную внутренних противоречий жизнь современности, напряженно размышлявших о ее аксиологических основаниях, о том, что происходит с социумом и с человеком здесь и сейчас. Обращаясь к творчеству И.А. Бунина, А.Н. Толстого, И.Э. Бабея, Б.А. Пильняка и др., участники конференции выявляли отношение крупных классиков XX века к социальным, духовным, культурным процессам эпохи, к трансформациям – и деформациям – общества и человека, реконструировали идеал писателя, его представление о должном типе развития мира, даже если возможность осуществления этого должного вызывала у него большие сомнения.

Не менее значимой для участников конференции была тема будущего России, актуализировавшаяся в эпоху Серебряного века в связи с Первой русской революцией и развитием революционного и рабочего движения, созданием Государственной Думы, столыпинскими реформами, Первой мировой войной, Февральской и Октябрьской революциями. С особенной остротой и напряженностью она звучала в пореволюционную эпоху, ознаменованную возникновением молодой Советской Республики, Гражданской войной, созданием СССР и масштабным Русским исходом, разделившим Россию 1920–1930-х гг. на два исторических и социокультурных материка, на которых жили и творили писатели и мыслители, создавая свои, внешне взаимоисключающие, но внутренне глубинно родственные модели России будущего, движимые неприятием пассивности, стагнации, материократии, бескрылого, нетворческого существования, насилия человека над человеком, пафосом созидания целостного, гармоничного будущего, идеалом человека, внутренне растущего, отвечающего за бытие и историю. Бердяевский идеал «нового средневековья», органической эпохи будущего, противо-

стоящей духовной и социальной энтропии, механизации и оплощению человека, где труд и культура будут не обслуживать торгово-промышленные интересы, а служить делу преображения мира в Царствие Божие, оказывался глубинно родственен и модели России будущего А.В. Чаянова, представленной в его «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», и «Первомайскому сну» В. Кириллова, и утопическим версиям будущего, творившимся в пореволюционную эпоху в новокрестьянской поэзии. А рефлексия о «человеке Нового Града», прозвучавшая в первой половине 1930-х гг. в статьях Ф.А. Степуна, переключалась с образом нового человека, представшим в романе Н.А. Островского «Как закалялась сталь».

Начальной точкой отсчета разговора о будущем во второй половине XX в. стала Великая Отечественная война, в литературе которой тема будущего неразрывно сплелась с темой жертвы, ответственности за страну и народ, и не только за живых, но и за умерших, лежащих в земле, истоптанной вражескими сапогами, как остро будут ощущать герои К.М. Симонова, М.А. Шолохова, А.П. Платонова. Одновременно в литературе военного времени крепла тема строительства мира после Победы, мира для будущих поколений, мира без войн и насилия. Она звучала в поэзии и прозе, записных книжках и дневниках, перейдя и в культуру послевоенного времени, утвердившись в литературе «оттепели», в книгах для детей и подростков, а в философской мысли породив корпус «Розы Мира» Д.Л. Андреева, где выдвигался проект обращения обособленных государств в планетарное братство, воспитания «человека облагороженного образа». В почве культуры вызревали зерна будущей «ноосферной прозы» 1980-х гг., где со всей остротой ставился вопрос о фундаментальном выборе не одной лишь России, но цивилизации. В 1960–1990-е гг. на очередной виток вышли споры новых «славянофилов» и «западников» о путях страны и перспективах ее социально-экономической жизни, культуры и педагогики, о целеполагании, об образе веры и действия, предельно обострившиеся после распада СССР. Кризис исторических путей России, усиленный антропологическим кризисом, зеркалом которого стал постмодернизм, породил волну антиутопий, которые больше не уравновешивались и не смягчались утопиями. В отличие от Даниила Андреева, который в философской книге «Роза мира» и поэме «Железная Мистерия» противопоставил торжеству антихристианских, античеловеческих социальных практик, отнимающих у человека дар свободы, ставящих его в ситуацию компромисса с собственной совестью, идеал всечеловеческого Братства народов, построенного на свободе, воспитании, ответственности и любви, Александр Зиновьев нарисовал картину безальтернативного будущего, «глобального человеяника» с тотальным контролем над личностью и тотальной же атомизацией социума.

Противостояние двух векторов развития мира – к «глобальному человеянику» или к «светлому будущему» – рассматривалось в секции, посвященной футурологии научной фантастики. На примере фантастических и научно-

фантастических произведений 1920–1980-х гг. можно увидеть движение русской литературы XX в. от прогноза к проекту, от предсказания негативных моделей развития до предотвращения их торжества в будущей истории мира. Подчеркивая приоритетное внимание научной фантастики к развитию технологий, нельзя забывать о характерной для российской фантастики «дальнего прицела» (А. Беляев, И. Ефремов, Г. Мартынов, О. Бердник, братья Стругацкие) рефлексии о соотношении технологий и этики, о преодолении разрыва между ними, о достижении единства технологий и аксиологии. В отличие от советской фантастики «дальнего прицела» и космической фантастики 1960–1980-х гг., исполненной волей к проектированию «эры Великого Кольца», в постсоветской фантастике 1990 – начала 2000-х гг. превалируют пессимистические тона, а осознание катастрофических перспектив развития технологий вне поля этики рождает феномен постапокалиптической фантастики, рисующей состояние мира после ядерной войны, деградацию человечества и попытки спастись от катастрофы путем отказа от технологий и возврата к традиционному обществу.

Информационная революция, научные прорывы в области биотехнологий и биоинженерии, эксперименты в области клонирования, зарождение идеологий трансгуманизма, выдвигающего идеал трансчеловека и видящего будущее на путях киборгизации, полной замены природного искусственным, и постгуманизма, уравнивающего человека с другими формами жизни, порождают широкие дискуссии философов, социологов, футурологов и находят свое отражение в литературе. Важно увидеть особенности преломления в новейшей русской литературе мировоззренческих и технологических вызовов времени, осмыслить футурологический вектор современной литературы как симптом духовного и нравственного состояния мира сегодня. Прошедшая конференция стала значимой вехой этого осмысления.

Анастасия Гачева